

Агата Кристи

Пять поросят

Стивену Глэнвиллу

Agatha Christie

Five Little Pigs

*** * ***

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Five Little Pigs Copyright © 1942 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

The Agatha Christie Roundel Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used by permission.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Карла Лемаршан

Эркюль Пуаро посмотрел на вошедшую в комнату женщину оценивающе и с любопытством.

В письме, которое она написала ему, не было ничего примечательного. Всего лишь просьба о встрече; никакого намека на причину, лежавшую за обращением. Короткое и деловое. Лишь твердый почерк, указывавший на то, что Карла Лемаршан – молодая женщина.

И вот она здесь собственной персоной – высокая, стройная, лет двадцати с небольшим. Женщина из тех, на которую оглянешься дважды. Одета со вкусом – дорогие, хорошего кроя пальто и юбка, шикарный мех. Благородная посадка головы, пропорциональный лоб, тонкий, аккуратный нос и решительный подбородок. Очень энергичная, живая, и именно эта живость более, чем красота, прежде всего привлекала внимание.

До ее прихода Эркюль Пуаро чувствовал тяжесть лет – теперь же он будто помолодел, оживился и прибодрился.

Выходя навстречу посетительнице, детектив поймал ее пристальный, изучающий взгляд. Она наблюдала за ним со всей серьезностью.

Молодая женщина села и приняла предложенную им сигарету. Минуту или две курила, продолжая задумчиво смотреть на него.

– Да, нужно определиться, не так ли? – мягко спросил Пуаро.

Карла вздрогнула.

– Прошу прощения?

Голос у нее был приятный, с легкой, ничуть его не портящей хрипотцой.

– Не правда ли, вы сейчас решаете, кто я – шарлатан или человек, который вам нужен?

– Да, вроде того... Видите ли, месье Пуаро, вы не вполне соответствуете моему представлению о вас.

– Старик, да? Старше, чем вы думали?

– Да, и это тоже. – Она замялась. – Скажу прямо. Я хочу... мне нужен... лучший.

– Можете быть уверены: я – лучший!

– От скромности вы не умрете. И все же... пожалуй, я поймаю вас на слове.

– Здесь ведь, знаете ли, важны не мускулы, – спокойно заговорил Пуаро. – Мне не нужно наклоняться и измерять следы, собирать окурки и изучать примятые травинки. Достаточно сесть в кресло и подумать. Оно здесь, – он постучал пальцем по голове, вытянутой формой напоминавшей яйцо, – то, что работает!

– Знаю, – сказала Карла Лемаршан. – Потому и пришла к вам. Видите ли, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

– Это я вам обещаю. – Пуаро ободряюще посмотрел на посетительницу.

Женщина перевела дух.

– Я не Карла. Мое имя – Каролина. Как и у моей матери. Меня назвали в ее честь. – Она помедлила. – И хотя я всегда называлась Лемаршан, моя настоящая фамилия – Крейл.

Пуаро на секунду нахмурился, словно в замешательстве, потом пробормотал:

– Крейл... Я, кажется, припоминаю что-то...

– Мой отец был художником, – сказала посетительница. – Довольно

известным художником. Некоторые даже называли его великим. **Я** думаю, он таким и был.

– Эмиас Крейл? – спросил Пуаро.

– Да. – Она помолчала, потом добавила: – И мою мать, Каролину Крейл, судили за его убийство.

– Ага. Помню, да, но только смутно. Я находился тогда за границей. Это ведь было давно...

– Шестнадцать лет назад. – Девушка побледнела, и глаза ее будто вспыхнули. – Вы понимаете? Ее судили и признали виновной... Но не повесили – нашли какие-то смягчающие обстоятельства – и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Она умерла через год после суда. Понимаете? Все кончено... дело закрыто...

– И?.. – тихо произнес Пуаро.

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, сцепила пальцы и заговорила – медленно, сбивчиво, но с удивительной выразительностью, подчеркивая едва ли не каждое слово.

– Вы должны понять, что привело меня сюда. Когда это... случилось, мне было пять лет. Слишком маленькая, чтобы что-то знать. Я помню, конечно, мать и отца, помню, как меня вдруг забрали из дома и увезли в деревню. Помню свиней и симпатичную толстушку – жену фермера. Помню, что все относились ко мне хорошо, хотя и поглядывали порой как-то странно, исподтишка, будто со мной что-то не так. Я это чувствовала, но не знала, в чем дело.

А потом меня посадили на корабль. Путешествие было долгое и интересное. Я оказалась в Канаде, где меня встретил дядя Саймон. Я жила с ним и тетей Луизой в Монреале и помню, что, когда спрашивала про папу и маму, мне говорили, что они скоро приедут. Наверное, я как-то забыла о них; знала только, что они умерли, но не помнила, кто сказал мне об этом. К тому времени я уже не думала о родителях и была очень счастлива. Дядя Саймон и тетя Луиза относились ко мне по-доброму. Я уже пошла в школу, обзавелась друзьями и забыла, что когда-то носила другую фамилию, не Лемаршан. Тетя Луиза объяснила, что в Канаде у меня такая фамилия, и это

не показалось мне странным. В конце концов я даже забыла, что когда-то меня звали иначе.

Она с вызовом вскинула подбородок.

– Посмотрите на меня. Ведь правда – согласитесь? – встретив меня на улице, вы бы подумали: вот девушка, которой не о чем беспокоиться! Я обеспечена, у меня прекрасное здоровье, довольно привлекательная внешность, могу наслаждаться жизнью... В двадцать лет не было на свете девушки, с которой я хотела бы поменяться местами.

Но, знаете, я стала задавать вопросы. О моих родителях. Кто они такие, чем занимались? Рано или поздно я все узнала бы. Но дядя с тетей сами сказали правду, когда мне исполнился двадцать один год. Им пришлось это сделать, во-первых, потому, что я должна была вступить в наследство. А потом... было еще письмо. Письмо, написанное матерью перед смертью и адресованное мне.

Лицо ее изменилось, помрачнело. Глаза уже не горели, как угольки, а темнели, как два тенистых озера.

– Так я и узнала правду – мою мать обвинили в убийстве. Это было ужасно.

Она помолчала.

– Должна сказать вам кое-что еще. Я обручена. Нам сообщили, что нужно подождать, потому что я не могу выйти замуж до двадцати одного года. Узнав все, я поняла, почему.

Пуаро пошевелился и впервые подал голос:

– И как принял это известие ваш жених?

– Джон? Ему все равно. Он сказал, что для него это не имеет никакого значения. Мы с ним – Джон и Карла, а прошлое не важно.

Девушка подалась вперед.

– Мы всё еще обручены. Но все равно... Знаете, это важно. Важно для меня. И для Джона тоже. Дело не в прошлом – в будущем. – Она сцепила

пальцы. – Видите ли, мы хотим детей. Оба. И не хотим видеть, как наши дети растут в страхе.

– Вы же понимаете, что у каждого среди предков были люди, совершавшие насилие и творившие зло?

– Разумеется, это так. Но обычно об этом никто не знает. Мы – другое дело. Для нас все ясно. И иногда я ловлю на себе взгляд Джона. Такой быстрый, украдкой... Предположим, мы, уже поженившись, однажды поссоримся, и вот я замечу такой вот взгляд и... что?

– Как погиб ваш отец? – спросил Пуаро.

Голос Карлы прозвучал ясно и твердо.

– Его отравили.

– Понятно.

Некоторое время оба молчали, потом девушка произнесла спокойным, суховатым тоном:

– Слава богу, что вы – здравомыслящий человек. Вы понимаете, что это важно и что из этого следует. И не пытаетесь отделаться утешительными словами.

– Я очень хорошо все понимаю, – сказал Пуаро. – Мне только непонятно, что вам нужно от меня?

– Я хочу выйти замуж за Джона, – спокойно ответила Карла Лемаршан. – И выйду! И хочу, чтобы у нас было по меньшей мере два мальчика и две девочки. А вы позаботитесь о том, чтобы это стало возможным.

– Хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? Ах нет, что я говорю, какие глупости... Вы предлагаете нечто совершенно другое. Скажите же, что у вас на уме.

– Послушайте, месье Пуаро. Поймите – и чтобы все было ясно, – я намерена нанять вас для расследования убийства.

– Вы имеете в виду...

– Да, я имею в виду именно это. Дело об убийстве есть дело об убийстве, независимо от того, случилось оно вчера или шестнадцать лет назад.

– Но, моя дорогая...

– Подождите, месье Пуаро. Вы еще не всё знаете. Есть один очень важный пункт.

– Да?

– Моя мать невиновна, – сказала Карла Лемаршан.

Пуаро потер нос.

– Ну, разумеется. Я понимаю...

– Это не сантименты. Есть ее письмо. Она оставила его мне перед смертью. Письмо полагалось передать, когда мне исполнится двадцать один год. Моя мать написала его с одной целью – чтобы я была совершенно уверена: она этого не делала, она невиновна. Чтобы у меня не было ни малейших сомнений. Вот и всё.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на девушку, со всей серьезностью смотревшую на него.

– Tout de meme...[\[1\]](#)

Карла улыбнулась.

– Нет, мама была не такая! Вы думаете, она могла солгать? Солгать ради меня? – Девушка подалась вперед и с чувством заговорила: – Послушайте, месье Пуаро, есть вещи, которые дети очень хорошо понимают. Я помню мать – воспоминания, конечно, бессвязные, но я хорошо знаю, что за человек она была. Она не кривила душой – даже во благо. Если что-то могло причинить боль, мать так и говорила. Зубной врач или заноза в пальце – такого рода вещи... Правда была для нее естественным импульсом. Не думаю, что я так уж сильно любила ее, но доверяла. И сейчас верю ей! Если она говорит, что не убивала отца, значит, не убивала.

Она не стала бы писать заведомую ложь, зная, что умирает.

Медленно, почти неохотно, Эркюль Пуаро кивнул.

– Вот почему для меня не проблема выйти замуж за Джона, – продолжала Карла. – **Я** знаю, что все будет хорошо. Но он не знает. Для Джона вполне естественно, что я считаю свою мать невиновной. Вот в чем должна быть полная ясность, месье Пуаро. И вы это сделаете!

– Даже при условии, что все сказанное вами – правда, – медленно сказал детектив, – не забывайте, мадемуазель, что прошло шестнадцать лет.

– О! Конечно, будет нелегко! Кроме вас, с этим никто не справится!

Глаза у Пуаро едва заметно блеснули.

– Вы мне льстите, да?

– Я слышала о вас. О ваших делах. О том, как вам это удастся. Вас ведь интересует психология, не так ли? А она со временем не меняется. Вещественные улики исчезли – окурки, следы на земле, примятые травинки... Их вы больше не найдете. Но можно изучить факты и, не исключено, поговорить с людьми, которые были там тогда – они все живы, – а потом, как вы только что сказали, сесть в кресло и подумать. И тогда вы узнаете, что случилось на самом деле...

Пуаро поднялся, пригладил рукой усы.

– Мадемуазель, вы оказали мне честь! Я оправдаю вашу веру в меня. Я проведу расследование. Я изучу события шестнадцатилетней давности и отыщу истину.

Карла тоже поднялась. Глаза ее сияли. Но произнесла она только одно слово:

– Хорошо.

Пуаро покачал указательным пальцем.

– Один только момент. Я сказал, что отыщу правду. Вы же понимаете, что я

не допущу предвзятости и не приму на веру ваши уверения в невиновности вашей матери. Если она виновна – eh bien[2], что тогда?

Карла гордо вскинула голову.

– Я – ее дочь. И мне нужна правда!

– Тогда – en avant[3]. Хотя нет, не так. Наоборот. En arrière...[4]

Часть первая

Глава 1

Адвокат

– Помню ли я дело Крейла? – повторил сэр Монтегю Деплич. – Конечно, помню. И очень даже хорошо. Весьма привлекательная женщина. Но, однако, неуравновешенная. Не умела себя контролировать. – Он искоса взглянул на Пуаро. – А почему вы спрашиваете?

– Из интереса.

– Не очень-то тактично с вашей стороны, мой дорогой. – Деплич блеснул зубами в своей знаменитой, напоминающей волчий оскал, улыбке, повергавшей, как поговаривали, свидетелей в ужас. – Успеха, знаете ли, оно мне не принесло. Оправдательного приговора я не добился.

– Знаю.

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Я, разумеется, не обладал тогда таким опытом, каким обладаю сейчас, однако же, полагаю, сделал все, что было в человеческих силах. Невозможно добиться многого, если с тобой не сотрудничают... И все же нам удалось заменить смертную казнь тюремным заключением. Многие уважаемые дамы, матери и жены известных людей выступили с соответствующим обращением. В обществе к ней отнеслись с большим сочувствием.

Он откинулся на спинку кресла и вытянул длинные ноги. Лицо его приняло выражение, характерное для человека рассудительного, привыкшего принимать взвешенные, хорошо обдуманные решения.

– Если б она застрелила его или даже ударила ножом, я представил бы случившееся как непредумышленное убийство. Но отравление... нет, здесь

возможностей для маневра мало. Это сложно... очень сложно.

– Какую версию предлагала защита? – спросил Пуаро. Он знал ответ на свой вопрос, поскольку уже прочел газеты того времени, но решил предстать перед сэром Монтегю полным невеждой.

– Самоубийство. Единственный возможный вариант. Но неубедительный. Крейл был человеком совершенно иного склада! Вы, полагаю, не были с ним знакомы? Нет? Так вот, мужчина он был яркий, вспыльчивый, своенравный. Отчаянный волокита, большой любитель пива – и прочее в этом духе. Охотник до плотских утех. Трудно убедить присяжных, что такой вот человек способен просто взять и ни с того ни с сего свести счеты с жизнью. Картина не складывается. С самого начала было ясно, что дело – безнадежное. К тому же и она ничем не помогла! Мне стало ясно, что мы проиграли, как только она заняла свое место на скамье подсудимых. Даже не попыталась бороться. Но тут уж ничего не поделаешь – если не вызываешь клиента к барьеру, присяжные делают собственные выводы.

– Вы это имели в виду, когда говорили, что невозможно добиться многого, если с вами не сотрудничают? – спросил Пуаро.

– Именно это, мой дорогой друг. Мы, знаете ли, не волшебники. Исход судебной баталии наполовину зависит от того, какое впечатление обвиняемый производит на присяжных. Я сам не раз становился свидетелем того, как они выносили вердикт, прямо противоположный смыслу напутственного слова судьи. «Он это сделал, точно» – вот такая точка зрения. Или: «Не делал он ничего такого – не верю!» Каролина Крейл даже не пыталась бороться.

– Но почему?

Сэр Монтегю пожал плечами.

– Не спрашивайте, не знаю. Конечно, она его любила. Когда пришла в себя и поняла, что сделала, ее это надломило. Думаю, она так до конца и не оправилась от шока.

– То есть, по-вашему, она виновна? – уточнил Пуаро.

– Э... – На лице Деплича отразилось легкое недоумение. – Да... Я полагал,

мы принимаем это как само собой разумеющееся.

– В разговорах с вами она хотя бы раз призналась, что виновна?

– Конечно, нет, – растерянно произнес адвокат. – Видите ли, у нас есть свой кодекс. Мы исходим из предположения, что клиент невиновен. Вижу, вас заинтересовал этот случай... Жаль, нельзя поговорить со стариком Мейхью. Материалы по тому делу для меня готовила их контора. Старик Мейхью рассказал бы вам больше, чем я. Но его с нами уже нет, ушел в мир иной... Есть, конечно, его сын, молодой Джордж Мейхью, но он в то время был совсем еще мальчишкой. Столько лет прошло...

– Да, знаю. Мне еще повезло, что вы помните так много. У вас замечательная память.

– Запоминаются, знаете ли, большие дела, – пробормотал Деплич, явно польщенный похвалой. – Особенно те, где речь шла о смертной казни. И, конечно, дело Крейла широко освещалось в прессе. Любовные отношения всегда вызывают интерес. В той истории участвовала девушка, весьма привлекательная. Мне она показалась крепким орешком.

– Простите, если я покажусь чрезмерно назойливым, – сказал Пуаро, – но позволю себе повториться: вы действительно не сомневались в виновности Каролины Крейл?

Деплич снова пожал плечами.

– Откровенно говоря, как мужчина мужчине, – не думаю, что есть какие-то сомнения. Да, она это сделала.

– Обвинение располагало уликами против нее?

– И весьма серьезными. Прежде всего у нее был мотив. Последние годы они жили как кошка с собакой, непрерывно ссорились. Крейл постоянно связывался с какими-то женщинами. Ничего не мог с собой поделать. Такой уж был человек. Вообще-то она держалась молодцом. Делала скидку на его темперамент – а художником он и впрямь был первоклассным. Между прочим, работы его с тех пор сильно выросли в цене. Сам я к такого рода живописи равнодушен – безобразная экспрессия... но хороша – в этом сомневаться не приходится.

Так вот, как я уже говорил, время от времени у них случались проблемы из-за женщин. Миссис Крейл была не из тех тихонь, что страдают молча. Так что да, скандалили они частенько. Но в итоге увлечения проходили, и он всегда возвращался к ней. Хотя последний роман сложился иначе. Девушка была еще юная, всего лишь двадцать... Звали ее Эльза Грир. Единственная дочь какого-то йоркширского промышленника. Денег и решительности ей было не занимать, и она точно знала, чего хочет. А хотела она Эмиаса Крейла. Добилась, чтобы Крейл взялся писать ее портрет. За парадные, типа «Миссис Блинкети Бланк в атласе и жемчугах», он не брался – только жанровые. Не думаю, что среди женщин было бы так уж много желающих – он ведь их не щадил! Но за портрет этой девицы, Грир, Крейл взялся, а закончилось все тем, что он влюбился в нее без памяти. Мужчина под сорок, давно в браке – самое время выставить себя посмешищем из-за какой-нибудь девчонки... Вот тут и подвернулась Эльза Грир. Крейл потерял голову, задумал развестись и жениться на ней. Каролина, разумеется, терпеть такое не стала. Пригрозила – чему были два свидетеля, – что убьет его, если он не образумится. И, как оказалось, совсем даже не шутила!

За день до того, как все случилось, они пили чай с соседом. А он, между прочим, собирал целебные травы и готовил дома лекарственные настойки. Среди прочих использовал и цикуту, или болиголов крапчатый. В разговоре речь зашла и об этом растении и его смертоносных свойствах.

На следующий день сосед заметил, что содержимое бутылки с кониином, ядом, получаемым из болиголова, уменьшилось наполовину. Встревожился, забеспокоился, поднял шум. Почти пустой флакон нашли потом в комнате миссис Крейл, в ящике комода.

Пуаро заерзал в кресле.

– Флакон могли подложить.

– Нет! Каролина призналась полиции, что сама его взяла. В высшей степени неразумно, но адвоката с ней тогда еще не было, и должного совета она просто не получила. Ее спросили насчет яда, и она откровенно призналась, что сама его взяла.

– Но зачем?

– Заявила, что намеревалась покончить с собой. Но объяснить, как флакон оказался пустым и как случилось, что на нем отпечатки только ее пальцев, не смогла. Это обстоятельство сильно усугубило ее положение. Каролина утверждала, что Эмиас покончил с собой. Но если б он выпил содержимое флакона, который она прятала в своей комнате, то на стекле остались бы не только ее, но и его отпечатки.

– Ему ведь дали яд в пиве?

– Да. Каролина взяла бутылку из холодильника и сама отнесла ее в сад, где он работал. Налила в стакан, подала ему и смотрела, как он пьет. Потом все отправились на ланч, а Эмиас остался один – он часто так делал, не приходил к столу. Какое-то время спустя миссис Крейл и гувернантка обнаружили его уже мертвым. Каролина утверждала, что в пиве, которое дала она, яда не было.

Наша версия сводилась к тому, что Эмиас осознал свою вину и, терзаясь муками совести, сам выпил отраву. Вздор, конечно, полный – не такого склада он был человек! А решающую роль сыграли отпечатки пальцев – неопровержимая улика.

– На пивной бутылке нашли ее отпечатки?

– Нет, только его, да и те вызвали сомнение. Видите ли, пока гувернантка ходила за доктором, Каролина оставалась у тела одна. Должно быть, вытерла бутылку и стакан, а потом прижала к бутылке его пальцы. Хотела представить дело так, что сама ни к чему не притрагивалась. Да только фокус не удался. Старина Рудольф – он выступал обвинителем на процессе – знатно повеселился, наглядно показав в зале суда, что при таком положении пальцев удержать бутылку человек не мог! Мы, конечно, пытались это опровергнуть, доказав, что пальцы Крейла были сведены судорогой и потому могли находиться в неестественном положении, но, откровенно говоря, выглядело это не очень убедительно.

– Кониин, должно быть, попал в бутылку до того, как миссис Крейл отнесла ее в сад.

– Никакого кониина в бутылке не было вообще. Только в стакане... – Сэр Монтегю осекся – его выразительное, с крупными чертами лицо внезапно изменилось – и резко повернул голову. – Подождите-ка, Пуаро. Вы к чему

это клоните?

– Если Каролина Крейл была невиновна, то как кониин попал в пиво? Защита в то время утверждала, что яд в пиво влил сам Эмиас Крейл. Но вы говорите, что это в высшей степени маловероятно, и в этой части я с вами согласен; не того склада он был человек. Но тогда, если и Каролина этого не делала, кто же это сделал?

– Да будь оно проклято, – чуть ли не брызжа слюной, воскликнул старый адвокат. – Что толку хлестать мертвую лошадь... Все давно закончилось, прошли годы. Конечно, это сделала она. Вы и сами это поняли бы, если б увидели ее в то время. У нее на лице все было написано! Мне даже показалось, что вердикт она встретила с облегчением. Без страха. Спокойно. Как будто хотела, чтобы суд поскорее закончился и все завершилось. Очень смелая женщина...

– И тем не менее, – вставил Пуаро, – перед смертью она написала для дочери письмо, в котором торжественно заявляла о своей невиновности.

– Да, написала, – согласился сэр Монтегю. – И мы с вами сделали бы то же самое на ее месте.

– Ее дочь говорит, что мать не стала бы лгать.

– Дочь говорит... ха! Она-то что об этом знает? Мой дорогой Пуаро, во время процесса дочери было... четыре... или пять лет? Ребенок. Девочке дали другое имя и отправили к родственникам, куда-то за границу. Что она может знать или помнить?

– Дети иногда очень хорошо разбираются в людях.

– Может быть, и так, но здесь не тот случай. Естественно, девочка хочет верить, что мать ничего такого не делала. Пусть верит. Разве от этого кому-то хуже?

– Да, но она требует доказательств.

– Доказательств того, что Каролина Крейл не убивала своего мужа?

– Да.

– Что ж, – сказал Деплич, – она их не получит.

– Думаете, не получит?

Знаменитый королевский адвокат задумчиво посмотрел на собеседника.

– Всегда считал вас порядочным человеком, Пуаро. Что вы делаете? Пытаетесь заработать, сыграв на понятных чувствах дочери к матери?

– Вы не знаете девушку. Она особенная. Девушка с очень сильным характером.

– Да, зная Эмиаса и Каролину Крейл, могу представить их дочь. Чего она хочет?

– Она хочет правды.

– Хмм... боюсь, правда придется ей не по вкусу. Честно говоря, не думаю, что здесь есть какие-либо сомнения. Каролина убила своего мужа.

– Извините, мой друг, но мне нужно убедиться в этом самому.

– Не представляю, что еще можно сделать. Прочитайте газетные отчеты о ходе процесса. Со стороны обвинения выступал Хамфри Рудольф. Он уже умер. Так, а кто был его помощником? Молодой Фогг, кажется... Да, точно, Фогг. Поговорите с ним. А потом – с теми, кто был там тогда. Вряд ли кому-то понравится это копание в грязном белье, но смею предположить, то, что нужно, вы из них вытянете. Вы же хитрый дьявол.

– Ах да, свидетели... Это важно. Может быть, помните их?

Деплич задумался.

– Подождите-ка... давно это было... Собственно, отношение к этой истории имели пять человек. Прислугу я в расчет не беру – люди пожилые, преданные, напуганные всем случившимся, – они ничего не знали.

– Итак, пять человек, вы говорите. Расскажите мне о них.

– Во-первых, Филипп Блейк. Лучший друг Крейла, знал его всю жизнь.

Был в то время в доме. Жив. Встречаю его иногда на поле для гольфа. Живет в Сент-Джордж-Хилл. Биржевой маклер. Играет на рынке, и пока удачно. Успешный человек, слегка склонный к полноте.

– Так. Кто следующий?

– Старший брат Блейка. Сельский сквайр. Домосед. Из дома выходит редко.

В голове у Пуаро звякнул колокольчик. Он приказал ему умолкнуть. Нельзя постоянно думать о детских стишках. В последнее время они стали каким-то наваждением. Но звонок не умолкал.

Первый поросенок на рынок пошел, Второй поросенок дома остался...

– Дома остался, да? – пробормотал он.

– Тот самый, о котором я вам рассказывал... тот, который возился с травами и настоями... В некотором смысле химик. Такое у него хобби. А звали его... Как же его звали? Такое литературное имя... Да, вспомнил. Мередит. Мередит Блейк. Даже не знаю, жив он или нет.

– Кто следующий?

– Следующий? Да, источник всех неприятностей... Та самая девушка, Эльза Грир.

– Третий поросенок наелся до отвала, – пробормотал Пуаро.

Деплич недоуменно посмотрел на него.

– Да уж, – сказал он. – Девушка оказалась не промах. Трижды побывала замужем. Каждый брак заканчивался разводом. И каждое новое замужество оказывалось лучше предыдущего. Сейчас она – леди Диттишем. Откройте любой номер «Татлера», и вы непременно ее там найдете.

– А еще двое?

– Была гувернантка. Как звали, не помню. Приятная, знающая свое дело женщина. Томпсон?.. Джонс?.. Что-то вроде этого. И была девочка, сводная сестра Каролины Крейл. Ей тогда лет пятнадцать исполнилось. С тех пор

она сделала себе имя. Занимается раскопками, бывает в разных далеких странах. Уоррен, вот как ее зовут. Анжела Уоррен. Весьма интересная молодая женщина. Встретил ее на днях.

– Значит, она не тот поросенок, который заплакал?

Сэр Монтегю посмотрел на Пуаро с некоторым сомнением и сухо сказал:

– Плакать ей есть о чем. Изуродована на всю жизнь. Ужасный шрам на лице. Ей... Впрочем, вы сами все узнаете.

Пуаро поднялся.

– Благодарю, сэр Монтегю. Вы были чрезвычайно любезны. Если миссис Крейл не убила своего мужа...

– Убила, старина, – перебил его Деплич. – В том-то все и дело. Вы уж мне поверьте.

– ...логично будет предположить, – словно не заметив вмешательства отставного адвоката, продолжал Пуаро, – что это должен был сделать один из этих пяти.

– Полагаю, один из этих пяти мог это сделать, – с сомнением заметил Деплич. – Но не понимаю, зачем. Абсолютно никаких причин! Скажу так: я совершенно уверен, что никто из них этого не делал. Выбросьте эту мысль из головы, старина!

Но Эркюль Пуаро лишь улыбнулся и покачал головой.

Глава 2

Обвинитель

– Виновна на все сто, – коротко заявил мистер Фогг.

Пуаро задумчиво посмотрел на худощавого, чисто выбритого барристера[5].

Квентин Фогг, королевский адвокат[6], являл собой совершенно иной, в сравнении с Монтегю Депличем, тип личности. Воля, магнетизм, властолюбие, напор были сильными качествами Деплича. Эффекта в суде он достигал за счет резкой и драматической смены образа. Только что обаятельный, вежливый, любезный – и вдруг почти магическое превращение: оскал, жесткая усмешка – тот же человек жаждет вашей крови.

Квентину Фоггу, бледному и худощавому, определенно не доставало качеств сильной личности. Вопросы он задавал тихим, невыразительным голосом, но при этом был настойчив и последователен. Если Деплича можно было сравнить с рапирой, то Фогга – со сверлом. Он сверлил и сверлил, монотонно и упрямо. Не достигнув вершины славы, Фогг тем не менее заслужил репутацию первоклассного юриста. Свои дела он обычно выигрывал.

– Стало быть, вот какое впечатление произвело на вас это дело? – сказал Эркюль Пуаро, задумчиво глядя на адвоката.

Фогг кивнул.

– Видели бы вы ее на скамье подсудимых. Старик Хамфри Рудольф – а главным обвинителем, как вы знаете, выступал он – просто сделал из нее отбивную. Отбивную! – Он помолчал, потом неожиданно добавил: – Но в целом все прошло слишком уж легко.

– Не уверен, что вполне понял вас...

Фогг свел к переносице свои тонко очерченные брови. Изысканные пальцы коснулись безусой верхней губы.

– Как бы яснее выразиться... Это типично английский взгляд на вещи. «Не стреляй по сидящей птице» – вам понятен смысл такого выражения?

– Да-да, как вы сказали, типичная для англичан точка зрения. Но думаю, что я понял. И в Центральном уголовном суде, и на спортивной площадке Итона, и в охотничьих угодьях для англичанина важно, чтобы жертва имела свой шанс.

– Совершенно верно. Так вот, в данном деле у обвиняемой не было ни единого шанса. Хамфри Рудольф делал с ней все что хотел. Первым вопросы задавал Деплич. Она стояла такая покорная, как... как девочка на празднике, и выдавала выученные наизусть ответы. Сама такая смиренная, предложения такие правильные, но все вместе совершенно неубедительно! Говорила то, чему ее научили. Но и Деплича нельзя винить. Этот старый шут сыграл свою роль отменно, но в любой сцене нужны два актера, в одиночку не вытянешь. А она ему не подыграла, не поддержала. На присяжных такое ее поведение произвело наихудшее впечатление. Потом поднялся старина Хампи. Вы ведь видели его при жизни? Большая потеря. Отбросил мантию, покачнулся на каблуках и – вперед! Говорю вам, он сделал из нее отбивную. Подводил то туда, то сюда, и каждый раз она попадала в подготовленную им ловушку. Он заставил обвиняемую признать абсурдность ее собственных показаний, заставил противоречить себе, так что она увязала все глубже и глубже. И закончил в своем обычном стиле – неоспоримо и убедительно: «Я полагаю, миссис Крейл, что ваша история о краже яда с целью самоубийства лжива от начала до конца. Я полагаю, что вы украли кониин, чтобы дать его вашему мужу, собиравшемуся уйти от вас к другой женщине, и что сделали вы это намеренно». Миссис Крейл – такое очаровательное, нежное создание – посмотрела на него и сказала: «О нет, нет, я этого не делала». Это прозвучало так блекло, так неубедительно... Я видел, как старик Деплич заерзал на стуле. Он уже тогда понял, что все кончено.

Фогг помолчал с минуту, потом продолжил:

– И все-таки... не знаю. В каком-то отношении она поступила очень умно, воззвав к благородству. Тому самому странному благородству, из-за которого, наряду с приверженностью к жестоким забавам, большинство иностранцев считают нас великими притворщиками. Присяжные, как и все присутствующие, почувствовали, что у нее нет ни единого шанса. Она даже не могла бороться за себя. И уж, конечно, ей нечего было противопоставить такому безжалостному цинику, как старина Хампи. Это ее беспомощное «о нет, нет, я этого не делала» прозвучало просто жалко. С ней было покончено...

Тем не менее в некотором смысле она сделала лучший из возможных ходов. Присяжные удалились, но их совещание заняло лишь чуть больше получаса. Вердикт звучал так: «Виновна, но заслуживает снисхождения».

И вообще, она производила куда лучшее впечатление на фоне другой участницы процесса. Той самой девицы. Присяжные с самого начала прониклись к ней неприязнью. А ей хоть бы что, даже глазом не моргнула. Очень красивая, практичная, современная. Для женщин в зале суда она служила воплощением определенного типа – разрушительницы домашнего очага. Ни одна семья не может быть в безопасности, пока вокруг бродят такие девицы, сексуальные, презирающие права жен и матерей. Должен сказать, она себя не выгораживала. Была замечательно откровенна. Признавала, что влюбилась в Эмиаса Крейла, а он – в нее, и не испытывала ни малейших угрызений совести из-за того, что намеревалась увести его от жены и дочери.

Я даже восхищался ею в каком-то смысле. Смелости, решительности ей было не занимать. Деплич устроил ей жесткий перекрестный допрос, и она выстояла с честью. Но суд отнесся к ней без симпатии. И судье она не понравилась. Судьей был старик Эвис, сам любивший погулять в молодые годы, но ставший суровым моралистом после того, как облачился в судейскую мантию. Обращаясь с напутственным словом к присяжным, он был само милосердие. Отрицать факты Эвис не мог, но от намеков на спровоцированность преступления и все такое не удержался.

– Так он не поддержал версию защиты о самоубийстве? – спросил Пуаро.

Фогг покачал головой.

– Эта версия не имела под собой никаких оснований. При этом я вовсе не хочу сказать, что Деплич не сделал всего, что было в его силах. Он был великолепен. Изобразил трогательный портрет любвеобильного, темпераментного мужчины, проникшегося вдруг страстью к милой девушке, терзаемого муками совести, но не способного устоять. Потом осознание случившегося, вины перед женой и дочерью, раскаяние – и внезапное решение покончить со всем этим! Благородный выход. Могу сказать, это была самая трогательная, самая волнительная часть спектакля. Голос Деплича вышибал слезы из глаз. Присутствовавшие видели несчастного, раздираемого страстями, но пытающегося сохранить благопристойность супруга. Эффект был поразительный. Да вот только когда Деплич умолк и чары рассеялись, этот выдуманный образ исчез. Он плохо соотносился с реальным Эмиасом Крейлом. Слишком хорошо его знали. Он был другим. А Деплич так и не привел ни единого доказательства в подтверждение своих слов. Крейла я назвал бы человеком, лишенным даже зачатков совести. Безжалостный, невозмутимый, довольный жизнью эгоист. Все его понятия о нравственности распространялись только на живопись. Уверен, ничто не склонило бы его написать небрежную, плохую картину. Что касается всего остального, то жизнь он любил во всех ее проявлениях и ни в чем себе не отказывал. Самоубийство? Нет, это не для него!

– Может быть, защита выбрала не лучший вариант?

Фогг пожал плечами.

– А что еще им оставалось? Сидеть сложа руки и твердить, что вина подсудимой не доказана и присяжным нечего рассматривать... Слишком много улик. Яд был у Каролины – сама же и призналась, что украла его. Средство, мотив, возможность – все в наличии.

– Может быть, стоило попытаться доказать, что все это было подстроено?

– Она почти все признала, почти со всем согласилась. В любом случае такой вариант выглядел бы притянутым за уши. Вы ведь, как я полагаю, намекаете на то, что кто-то еще убил Крейла и представил дело так, чтобы подозрение пало на его жену?

– Вы считаете такую версию необоснованной?

– Боюсь, что да, – медленно сказал Фогг. – Вы предполагаете существование некоего таинственного неизвестного. И где же нам искать его?

– Очевидно, в близком круге. Иметь отношение к делу могли пять человек, не так ли?

– Пять?.. Давайте посмотрим. Старый чудак, возившийся с травами и отварами. Увлечение опасное, но человек приятный. Хотя и несколько непонятный. В роли загадочного отравителя я его не вижу. Потом та самая девица. Избавиться от Каролины она бы могла, но Эмиаса убивать не стала бы. Дальше, да, биржевой маклер, лучший друг Крейла. В детективных романах тема популярная, но в реальной жизни я в такое не верю. Вот и всё... а, да, младшая сестра, но ее всерьез принимать не стоит. Получается четверо.

– Вы забыли гувернантку, – напомнил Пуаро.

– Да, верно. Бедняжки, вечно о них все забывают... Смутно, но припоминаю. Средних лет, ничем особенно не примечательная, компетентная. Какой-нибудь психолог сказал бы, что она вспылала к Крейлу запретной страстью, вследствие чего и убила его. Старая дева с подавленными комплексами! Но я в такое не верю, и, насколько могу судить по сохранившимся впечатлениям, неврастеничкой она не была.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)